

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 13 (1771) • ГОД ИЗДАНИЯ 43-й • 9 МАЯ 1965

СВЕТ И ТЕНИ ДЛИНОЙ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Чем выше солнце, тем короче тени. В ярком свете такого большого и радостного события, как День Победы, различные огорчительные детали уходят на второй план. Есть, однако, индивидуумы, которым сияние Дня Победы действует на нерваную систему. Им остается только один способ — совсем закрыть глаза? Так поступил Пентагон, запретивший, насколько нам известно, своим войскам в Европе праздновать День Победы.

Мы предпочитаем видеть этот день таким, каков он есть. И, откровенно говоря, для нас он, несмотря на теневые грани последнего двадцатилетия, полон праздничности, оптимизма и духовного подъема.

Двадцать лет назад в оружейных залах и скрежете гусениц завершилось крушение фашистской Третьей империи. Судьба зло посмеялась над гитлеровскими провидцами, которые прочили этой империи тысячелетия бытия и мирового всевластия. Но провусществовав и четверти века, она рассыпалась в прах, похоронив под обломками ее «вождей» и идеологов. В бледном небе над рейхстагом струился дым затихавшего пожара, а в небе над Москвой поднялось зарево лободного салюта. И этим подводилась черта тому тайфуну огня и железа, который бушевал в Подмоскovie и Ленинграде, в Сталинграде и на Курской дуге, на Зееловских высотах и у Вендши-Бухольца при последнем броске на Берлин. Величайшая в истории человечества трагедия пришла к концу. Занавес пал. Фельдмаршал Кейтель поставил под актом капитуляции последнюю подпись фашистской Германии. Героическая Советская Армия сокрушила самую черную силу нашего века.

В ту пору мы, находившиеся до последней секунды в горячке боя, знали и твердили только одно слово: победа, победа! Это было как второе рождение: мир нов, волна оптимизма так высока, что закрывает горизонт грядущих событий. Обычно время вносит крупные поправки в такое состояние, и утро после праздника нередко выглядит более чем буднично. Но, возвращаясь памятью к прошлому, мы можем с удовлетворением сказать: хотя многие события в дальнейшем пошли не по тому руслу, которое намечалось, наш оптимизм был оправдан.

Дням торжеств приличествует гром оркестров, а не стук бухгалтерских арифмометров, это общезвестно. И все же, оставляя традиционное традиционному, лишним будет взглянуть на послепобедное двадцатилетие не только с его солнечной, но и с теневой стороны: уверенная дорога в завтрашний день лежит через понимание минувшего.

Планета наша осталась такой же круглой, материи не поменялись местами с скванами, а мир тем не менее, что называется, претерпел «ряд волшебных изменений милого лица». И, на мой взгляд, в 1965 году жить радостнее, интереснее, чем в 1940-м: меньше в мире мертвящей духоты. И хотя предгрозовое отнюдь не отошло еще в область преданий, легче дышится, дальше видится, лучше шагаются.

До войны мы говорили, что находимся в капиталистическом окружении, так как почти на каждом метре границы против нас топорщились, как собачьи клыки, чужие штыки. Теперь, когда под знаменем социализма идет более миллиарда людей, обсуждение проблемы, кто кого окружает, под стать разве тем умникам, которые некогда гадали, сколько ангелов уместится на кончике иглки.

Но, водрузив красный флаг над рейхстагом, социализм не только ликвидировал опасность для себя, «вышел из окружения» и расчистил путь для успеха освободительных движений. Все чаще захватывая лидерство, социализм стал движителем мирового прогресса в области науки, техники, образования, здравоохранения. Социализм стал такой закваской в интеллектуальной жизни человечества, на которой подходит добро будущее.

Однако на древе послевоенного двадцатилетия выросли и кислые и горькие плоды — с той стороны, где ухаживали за ним другие садовники. Политика США, приступивших к послевоенному устройству в Европу с камнем антикоммунизма за пазухой, породила не только раскол Германии, но и опасное противостояние бывших союзников в войне против фашизма. Предполагалось, что роль Бонна — воввать, для начала в «холодном варианте», против коммунизма и социализма — в интересах США. Но это, как мы неоднократно и предсказывали, были наивные иллюзии: теперь Бонн, обвешавшись до шеи оружием и протягивая палец к атомной кнопке, все чаще и беззащитнее играет вашингтонской колодой в своих реваншистских интересах. Увязнув, таким образом, одной ногой в центре Европы, в ее боннско-реваншистской трясине, скользая другой в Индокитае, где они развязали грязную войну против Вьетнама, США обрекли себя на роль пугала второй половины двадцатого века, олицетворили в себе все самое консервативное, отталкивающее, застойное. Эта застойность политики США выражается, между прочим, и в том, что они не могут удовлетворительно решить ни одной проблемы даже у себя дома, — чего стоят одни «расовые беспорядки»? Не потому ли Штаты ищут выход в авантюрах, которые в наш век не могут пройти безнаказанно?

Так на горизонте двадцатилетия победы над фашизмом возникают не только огни праздничного салюта, но и формируется грозовая туча, из которой в земной шар может ударить молния.

Можно, конечно, на основании совершенно точных данных подсчитать, что после этого останется от самих США. Но иные джентльмены в Штатах руководствуются в поступках и планах не советами разума, а слепой ненавистью. Поэтому очень и очень хорошо, что к двадцатилетию победы мы запаслись ракетами не только для салюта. Правда, считается, что все остальные ракеты — за исключением еще тех, на которых летают в космос, — было бы лучше утопить, и мы разделяем эту точку зрения. Но ведь начинать надо сразу с двух берегов, и, к сожалению, есть основания полагать, что это произойдет не завтра. Чего доброго, до той поры комиссия по разоружению успеет вычерпать для чая и кофе все Женевское озеро, поскольку диалог на эту тему пока что довольно однообразен: мы за разоружение, а американцы за инспекцию. Это как бы разговор на разных языках без переводчика.

Таким образом, минувшее двадцатилетие имеет свои светлые и темные грани.

Но светлык больше. Нечислимо больше!

А темные не остановят нашего движения, — мы знаем, что такое труд, борьба, война. И, главное, знаем, что такое победа!

Николай ГРИБАЧЕВ

Владимир КОТОВ

Весеннее напоминание

С тех пор,
как мир
расцвел победой,
с тех давних
праздничных минут,
как пронеслись
над всей планетой
два слова
«Гитлеру капут!»,
со дня,
что стал великой датой
(она нам навсегда близка!),
когда советскому солдату
весь шар земной
рукоплескал,
двадцатый раз
весна явилась,
и рада ей
планета вся...
Двадцатый раз
листва сменилась,
в ладошках
солице нам
неся.
И светит нам
особым светом
тот год,
тот день,
тот час,
тот миг!..

Салют тебе,
Весна Победы!
Тебе,
двадцатилетний мир!
Растут сыны,
растут герои,
их мирных подвигов
не счастье.
Но...
«люди строят —
свиньи роют».
пословица такая есть.
Не унижаются банкроты —
(их снова распирает прыть!)
и ждут,
что их простят народы,
чтоб им сподручней было...
рыть.
Чуму,
проказу
иль холеру
как всенародную беду,
когда бы мы могли,
простить!
Когда!
В каком году!..
Нет!
Этого вовек не будет!
Не будет —
ясно, почему:

фашизм простить
не могут люди,
как не простят вовек
чуму.
Весна
необратимым ходом
шагает,
не боясь преград.
Весна
не только
время года.
весна —
испытанный солдат!
И вы,
глашатаи реванша,
как вам надежда ни мила,
смотрите,
чтобы память ваша
жестоко вас не подвела!
За войны и пожары
ратую,
скикая снова
сброд
в поход,
взгляните на
число
Девятое,
Май месяц,
Сорок пятый год..

Вот они, обер-факельщики войны

Рисунки КУКРЫНИКСЫ — лауреатов Ленинской премии
Стихи Сергея СМЕРНОВА

ГИТЛЕР
Фигура
миновавших лет —
Маньяк
И главный людоед.

КИРГИЗЫ В БЕРЛИНЕ

Бесноватый фюрер не обошел своими заботами и нас, киргизов.

Фашистские орды стирали с лица земли города и села в других странах, а он собирался превратить германскую столицу в собрание монументов и зданий колоссальных размеров. Для чего, как вы думаете? Только для того, чтобы произвести впечатление на киргизов. В кругу своих генералов Адольф Гитлер бахвалится:

«Немецкие учреждения должны иметь роскошные здания. Раз в год группу киргизов надо будет привозить на экскурсию в имперскую столицу, чтобы они прониклись ощущением силы и величия наших памятников».

Видите, какая трогательная забота о нас, киргизах!

Но зачем нас привозить? Мы как вежливые люди решили приехать за свой счет, своим ходом, чтобы там, в Берлине, «проникнуться ощущением силы и величия». Нас только интересовало, кто будет гидом. Уж не сам ли главарь «третьего тысячелетнего рейха»?

Но не получился из года гид! В этом убедились наши воины двадцать лет назад. Советская Армия гнала коричневую нечисть к столице титлеровского рейха. Рядом с русскими и украинцами, узбеками и грузинами шли в бой киргизы. Был среди них и старшина Иса Садыков. Гусеницы его танка отпечатали свой след на полях фашистской Германии — от восточной границы до Берлина.

Так и не вышел фюрер встречать киргизов. А говорил, что мечтает видеть нас в Берлине! Позже выяснилось, что он был в это время очень занят — принимал крысиный яд. Вполне уважительная причина!

Обезумевшее от страха гитлеровское офицерье приказало солдатам «держаться» бессмысленную оборону. И они били фаустпатронами из-за стен берлинского зоопарка. Именно здесь Иса надеялся встретить кровавого маньяка — в террариуме, ящичке для ядовитых змей.

— Наконец вышли встречающие, — вспоминает сержант Садыков. — Около тысячи жалких вояк с белым флагом, поднятыми руками и дрожащими коленками. Отвоевались!

Сержант Иса Садыков, Балкабек Рыспаев, сотни других киргизов, как и десятки тысяч советских воинов других национальностей, обошлись без берлинских гидов. Может быть, поэтому они не прониклись ощущением величия дымящихся развалин германского рейха.

Минуло 20 лет. Сотни киргизов побывали в Берлине. Уже как мирные люди, как гости Германской Демократической Республики. Трудяники Киргизии тоже не установили строгого регламента для экскурсантов. Приезжайте хоть каждый день из всех стран! В нашей столице есть и монументальные здания и памятники, но мы никого не собираемся тащить к себе силком, чтобы гости непременно «прониклись ощущением силы и величия». Наша сила — в людях, скромных, талантливых, гостеприимных. Приезжайте, милости просим, сами убедитесь.

Иностранцы часто посещают наш горный край. Недавно мы с цветами встречали в аэропорту журналистов из ГДР. Кстати, среди встречавших были заместитель министра финансов Киргизской ССР Иса Садыков и журналист Балкабек Рыспаев, бравшие двадцать лет назад Берлин.

Руководитель делегации немецких журналистов сотрудник газеты «Берлинер цейтунг» Карл Кокоско писал в нашей республиканской газете: «Мало мы знали о Советской Киргизии и ее народе. И вот мы в столице республики... С самого начала город Фрунзе восхитил нас зеленым нарядом, красивой архитектурой зданий, светлыми и красочными улицами. Но еще большую радость доставило нам гостеприимство, с каким встретили нас киргизские друзья. Мы почувствовали себя как дома».

Все, как видите, обошлось без «ощущения силы...».

1 сентября минувшего года немецкие журналисты побывали в Киргизском государственном университете. «Этот день мы выбрали не случайно. — пишет К. Кокоско. — Ровно 25 лет назад, 1 сентября 1939 года, фашистская Германия совершила разбойничье нападение на Польшу и тем самым положила начало второй мировой войне. Нам хотелось сказать преподавателям и студентам о том, что сейчас в Германии выросло новое поколение немцев, которые идут за коммунистами и строят социализм».

Мы знаем не только немцев-гостей. Рядом с нами в Киргизии на равных правах живут и трудятся советские граждане немецкой национальности. С уважением произносят у нас имя доярки из колхоза «Мин-Булак», Таласского района, Эльзы Штумм. Она Герой Социалистического Труда. Народ послал ее в высший орган власти республики. В отличие от рейхстага наш парламент никогда не проголосует за фашизм и войну.

В соседнем колхозе «Красная заря» есть своя «Третьяковка». В трех залах выставлено около 150 картин, портретов, этюдов. «Осень», «Доярка Орозбаева», «Перед весной...». Это все труды местного учителя Теодора Герцена и его сына — тоже Теодора. Художники Герцены славят радость мирной жизни.

Иосиф Шмалц — бригадир комплексной бригады коммунистического труда управления «Фрунзеэнергострой» — возвел не один десяток домов. Он заслуженный строитель Киргизской ССР. Выстроенные им здания никогда не превратятся в груды дымящихся развалин...

Спесивый, безумный диктатор намеревался сначала поработить киргизов, как и другие народы Советской страны, а затем еще потрясти нас «силой и величием» своего логона.

Вышло совсем иначе! Все советские народы, в том числе киргизы, показали свою силу и величие, освободив человечество от фашистской чумы.

С. ЕГИНАЛИЕВ,
участник Великой Отечественной войны,
главный редактор киргизского сатирического журнала «Чалкан».

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Читатели Крокодила привыкли находить под этой рубрикой смешные, нелепые высказывания и документы.

В День Победы мы помещаем здесь подлинные высказывания главарей «третьего рейха» и некоторых других лиц... Смешно звучит все эти признания и предостережения, сделанные в начале войны. Вот уж поистине — нарочно не придумаешь!

«Русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, и они плохо оснащены».

ГИТЛЕР.

«Я не сделаю такой ошибки, как Наполеон, когда я пойду на Москву. Я выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы».

ГИТЛЕР.

«Это название [Москва] я уничтожу, а там, где находится сегодня Москва, я создам большую свалку».

ГИТЛЕР.

«Москву и Ленинград сровнять с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов и не кормить его в течение зимы».

ГИТЛЕР.

«Через три недели после нашего наступления карточный домик русских развалится».

Генерал ИОДЛЬ.

«Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России будет выиграна в течение 14 дней».

Генерал ГАЛЬДЕР.

«В Германии уверены, что война с Россией закончится окончательным разгромом русских армий и крушением ее государственного строя».

РИББЕНТРОП.

«Германия будет сильнейшей страной в мире. Никакая сила на земле не сможет нас победить!»

ГИММЛЕР.

«Сегодня я могу вам сказать — я не мог этого сказать раньше, — что враг разгромлен и никогда больше не поднимется».

ГЕББЕЛЬС.

«Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России».

СТИМСОН, военный министр США.

«Конец русского сопротивления не за горами».

Майор ИТОН, американский военный атташе в Москве.

«Лучшее предположение, которое я могу сделать, сводится к тому, что Гитлеру потребуется от шести недель до двух месяцев, чтобы разделаться с Россией».

НОКС, морской министр США.

ГЕРИНГ
Жаждой зла
набитый туго,
Патентованный
Бандюга.

ОТ ГАНГУТА ДО БЕРЛИНА

Тяжелые дни осени 1941 года. В глубоком тылу противника на полуострове Ханко под непрерывным огнем, укрывшись в подвале разрушенного дома, мы готовили октябрьский номер газеты «Красный Гангут».

В центре сатирической страницы был помещен мой шарж на Гитлера со стихами поэта М. Дудина.

...Шли годы... Кровавые бои морской пехоты под Новороссийском и Туапсе, десант на Малую землю... У одного десантника, шестнадцатилетнего добровольца, на прикладе автомата было вырезано ножом: «Даешь Берлин!». Командир говорил:

— Мальчишка! Портит боевое оружие! А высканье дать рука не поднимается — устами младенца глаголет истина.

...И вот мы в горящем Берлине. Я спускаюсь в подвал. Не в свой подвал на опаленном Гангуте, а в убежище самого Гитлера под новой имперской канцелярией.

Какой-то кабинет. Находим бланки с грифом Фюрера и его факсимиле. На одном из них я быстро набросал шарж.

Подписав дату и место действия, я спрятал листок в папку, где он и пролежал двадцать лет.

*Ты же победу не надеялся,
Кровавый, бешеный подлец.
Как ты веревочку, чи вевер,—
Есть у веревочки концы.*

Но знаю, была ли это мой сотый или тысячный шарж на Гитлера. Но, несомненно, последний. Да еще скрепленный его личной подписью.

Борис ПРОРОКОВ,
лауреат Ленинской премии.

Der Führer und Reichkanzler

by Pina

май 1945 г.

*Берлин
Имперская канцелярия*

Докладывает рядовой Шахно

Блокада Ленинграда еще не полностью прорвана. Волховский фронт наступает... Соскакиваю с грузовика, направляюсь к полку, который сейчас пойдет в бой. Большая поляна. На опушке леса шалаши. Полк строится. Ждут начальника штаба дивизии, который будет вручать боевые награды.

В стороне от шалашей на одном пне сидит беловолосый костромич, лейтенант Самохин, на другом — недавний портной из украинского местечка солдат Шахно. С обоих катится пот.

Самохин уже полтора часа самоотверженно пытается научить Шахно последовательно произносить ровно десять слов доклада: «Товарищ гвардии полковник, рядовой Шахно явился за получением правительственной награды». Вот и все!

Эту фразу тысячу раз четко произнес лейтенант Самохин и ни разу — рядовой Шахно. Он смотрит на политрука сочувствующими глазами и никак не может усвоить словесную премудрость.

Мне жаль обоих...

Послышалась команда «Равняйся!». Лейтенант безнадежно махнул рукой. Солдат поспешил в строй.

Дошла очередь до Шахно. Назвав его фамилию, офицер штаба полка добавил: «Награжден орденом Славы второй степени».

Шахно шел к полковнику не сбега и, прямо скажем, далеко не строевой походочкой, держа левую руку на автомате. На Самохине не было лица, он даже не глядел в сторону неторопливо шестящего автоматчика.

Шахно подошел к полковнику, печально посмотрел на него и тихо произнес:

— Товарищ лейтенант... (Самохин четко повторил.) Нет... товарищ полковник... гвардия... Шахно рядовой пришел... Нет, явился за наградой... Тут Шахно покачал плечами и добавил: — Правительственная...

Полковник погладил на груди солдата, где уже красовалась медаль «За отвагу» (Гажкин, орден Славы третьей степени (форсирование Волхова и жестокие бои у Мяного бора), две ленточки — знаки ранений. Улыбнулся и сказал:

— Слушай, боевой солдат Шахно! Ты лучше выкопай, чем докладываешь. Получай!

Полковник вручил награду и, нарушив церемонию, сильно хлопнул Шахно по плечу. К удивлению всего полка, а тем более политрука Самохина.

Шахно повернулся и той же походочкой вперевалку направился в строй. И стал в первую шеренгу... на своей роте.

Вот так!

Михаил ЭДЕЛЬ

Валентин КАТАЕВ

В любом порядке

В синем небе, в жаркой схватке Сотенны фашиста мгно: Бьют врага в любом порядке	Там — развалены димонты, Там — фашистские молоты, Где стремительно промчатся
«Иль», «Лав», «Як», «Мин», «Мин»,	«Мин», «Як», «Лав», «Иль», «Иль»,
Русский летчик красно мстит — И немецкие воины удрают, лишь заметит	Элегантно и красиво Каждый день, полны стволы, Чешут фашизм в хвост и в гриву
«Лав», «Иль», «Мин», «Як»,	«Мин», «Як», «Иль», «Лав»,

1943 г.

ГИММЛЕР
Он всех подряд
Повесить рад —
Законченный дегенерат.

ЧЕЛОВЕК И КНИГИ

Это произошло в Ленинграде в первую, самую страшную блокадную зиму.

Из блокированного города все время вывозили людей — «дорогой жизни», через Ладогу, и самолетами. Моему знакомому ленинградцу Борису Давыдовичу достался путь воздушный. А он предпочитал уехать на грузовике. Причина в том, что для улетающих вес багажа строго ограничивался — десять килограммов на человека, и ни грамма больше.

У Бориса Давыдовича весь багаж составляли книги. Он был по основной специальности химик, а по страсти — библиофил. И, как сам говорил мне, даже не жеманился, потому что боялся, как бы жена не наложила запрета на его книжные траты.

Его библиотека была невелика, но все же содержала около сотни pristine уникальных изданий. На несколько его книг безуспешно покушались «царь» наших книголюбов, артист и писатель Смирнов-Соколовский. Кстати, он-то однажды и познакомил меня с Борисом Давыдовичем.

...Под утро перед его отлетом я зашел к Борису Давыдовичу на квартиру — он просил меня помочь ему добраться до Смольнинского аэродрома. Я застал его сидящим посередине комнаты на груде книг. Перед ним стоял чемодан, наполненный книгами же.

— Немножко сверх нормы получается... — с нарочитой небрежностью сказал Борис Давыдович.

Я попробовал поднять чемодан и не смог. Сказал ему:

— Лишнее выбросят на аэродроме, лучше оставьте дома.

— Но это же — варварство! — вдруг возразился Борис Давыдович. — Неужели никто не понимает, что это за книги? Мы просто обязаны сохранить их. Они дороже меня. Да, гораздо дороже! И если на аэродроме прикажут выбрасывать книги, я откажусь от полета в пользу книг. Пусть летят одни книги. А там, на Большой земле, их примут и сохраният.

Я стал просматривать уложенное в чемодан. Действительно, что ни книга, то жемчужина русской культуры. Борис Давыдович комментировал:

— Во всей России этой книги всего три, от силы четыре экземпляра... А в этой на полях заметки Льва Толстого. Собственноручные!.. Это же путешествие Радищева! Первое издание. Понимаете вы это?.. А это! Вы думаете, просто Библия? Откройте! Видите записи между строк? Дневник неизвестного узника Шлиссельбург! Совершенно изумительный документ!..

Я твердил свое:

— Выбросят на аэродроме...

Вдруг Бориса Давыдовича осенила идея. Он надел пиджак, перепоясался поверх ремнем и начал записывать книги из чемодана за пазуху. Потом надел пальто, снова перепоясался и снова запищал десяток книг. Он стал толстый, как бочка, и не мог двигать руками. Сунул мне в руки нож и приказал:

— Распорите мне рукава под мышками!

Теперь он мог двигать руками, и вскоре, привязав чемодан к саночкам, мы отправились на аэродром. Просто непонятно, как Борис Давыдович выдержал этот путь. Ведь он был уже пожилым, порядком истощенным человеком.

На аэродроме в одной из землянок происходи-

ло взвешивание и беспощадное усеменение багажа эвакуируемых. Девушка в солдатской шинели делала опись оставляемых вещей. Мы с Борисом Давыдовичем стояли последними. За столиком сидел усталый летчик. Все бросались с просьбами и жалобами к нему, и все он, не поднимая глаз, говорил одну и ту же фразу:

— Десять килограммов — и ни грамма больше.

Наконец мы вдвоем взгрохнули чемодан на весы. Девушка с возмущением посмотрела на нас и спросила:

— Это багаж на двоих?

— Да, — мгновенно ответил Борис Давыдович и тут же добавил: — Впрочем, нет — лечу я один.

— Выбросить двадцать девять килограммов, — холодно распорядилась девушка.

Борис Давыдович подошел к летчику и как-то торжественно сказал:

— Я не могу выбросить ни одного килограмма!

— Золотые слитки? — устало спросил летчик.

— Книги, — стрезал Борис Давыдович.

— Какие книги? — поднял взгляд летчик.

— Одним словом, редкие, — ответил Борис Давыдович. — Я собиратель книг.

— Откройте чемодан, — приказал летчик.

Он брал из чемодана книгу за книгой, просматривал их и аккуратно клал обратно. Одну он просмотрел особенно внимательно и сказал:

— За этой книгой я давно охочусь...

— Возьмите, — отрешенно сказал Борис Давыдович.

Летчик глянул на него с усмешкой и сказал:

— Закройте чемодан и тащите в самолет.

— И ничего не выбрасывать? — почти шепотом спросил Борис Давыдович.

— Ясно сказано — быстрее тащите в самолет. А то передумаю...

И тут Борис Давыдович заплакал. Он стоял над своим чемоданом и беззвучно трясся. Летчик закрыл чемодан, взял и пошел к выходу. Я догнал его уже на поле и перенял чемодан.

— Вы кто ему? — спросил летчик.

— Знакомый.

— За пазухой у него тоже книги?

— Тоже.

— Скажите ему: как взлетим, пусть вынет все, а то задохнется на ровном месте...

Летчик подмигнул мне и пошел вперед. За нами, еле передвигая ноги, плелся Борис Давыдович. Я подождал его.

— Я... негодяй! — задыхаясь сказал он. — Я же обманул этого святого человека! Я не сказал, что у меня за пазухой.

— Он знает, — ответил я.

Л. СОЙФЕРТИС

ИЗ ФРОНТОВЫХ РИСУНКОВ

Концерт в бригаде.

В перерыве между боями.

Некогда.

ГЕББЕЛЬС

Речист
И на руку не чист,
Брехун,
 пройдоха
 и фашист.

БАЛЛАДА ОБ УСОМ И КАМ

Когда я вижу балерину, танцующую на кончиках пальцев, когда гляжу на влюбленную пару в саду, когда слышу голос своей дочурки на лестнице, когда слышу смех в кинозале, я знаю: все это ваша и наша победа над ними.

Когда склоняюсь над волнующей книгой, когда смотрю на мужчину, который, ошалеv от счастья, выбегает из родильного дома и кричит: «Сын!», — когда слышу голос поэта, когда вижу, как люди гуляют в лесу и поют, я знаю: все это наша общая победа над ними.

Когда вижу светлые точки огней пассажирского самолета в ночном небе, когда радио объявляет завтрашнюю программу на моем родном языке, когда слышу голоса чеховских героев в театре, когда наслаждаюсь пением невидимой птицы в лесу, когда поздним вечером иду домой и гляжу на гуляющих, я знаю: все это наша победа над ними.

Когда, бросив взгляд из окна, вижу малышей, бегущих вперегонок, и рабочих, возвращающихся с мирной работы, когда смотрю на ярко освещенный паром с отдыхающими, что плывет в ночи по реке, когда на экране вижу, как Леонов гуляет по космосу, когда, крутя переключатели приемника, слушаю песни Москвы, Парижа, Ленинграда, Белграда, я знаю: все это наша победа над ними.

Ваша, друзья, и наша победа, законченная девятого мая сорок пятого года!

Когда теперь, 20 лет спустя после официальной даты победы, в какой-нибудь телевизионной передаче (а я видел несколько таких) появляется на экране фюрер, он прежде всего удивляет своей опереточной жестикულიцей.

Гляжу на него...

Обещал своим войкам, что наши жены и сестры будут у них рабынями.

Обещал своим войкам, что на наших полях будет зреть жито для них.

Обещал своим лошадям, что наши кони будут возить вместо них тяжкие грузы. Ведь если солдат фюрера — сверхчеловек, значит, и кобыла фюрера — сверхлошадь!

Удивительно, что ему вскрили.

Ведь каждое его слово, каждый его жест — все было ложью.

Где, спрашиваю, прячутся фюрера, которым он грозил всему, что было справа от него? Где фюрерский левый ус, которым он пугал все, что было слева от него? Где тот истерический, угрожающий голос, которым он страшил весь мир по радио, отравленному ненавистью?..

Ничего этого нет больше!

И вот сегодня, когда весь свет слышит двадцатую годовщину победы над этими усами (над левым усом и над правым усом), и над тем го-

лосом, и над всем, что было связано с этими усиками и с этим голосом, мы знаем, что эта победа — прежде всего победа рук, которые создают, над руками, которые разрушают. Победа сердец, которые любят, над сердцами, которые ненавидят!

Он учил немцев вешать человека равнодушно, как вешают пальто на крючок.

Обещал им многое. И ни одного своего обещания не выполнил.

Фюрер и его солдаты принесли нам миллионы разлук. Его войки пели: «Германия, Германия превыше всего». Советские войки пели девушкам о любви, просили их ждать солдата, ждать, пока он не вернется домой... Это была суровая война, а такие войны всегда проигрывают жестокие. Выигрывают их нежные!

И поэтому я хочу выпить чару по старому славянскому обычаю за тех нежных, которых нет сейчас среди нас. Потому что, когда мы поднимаем чашу за нежных, мы пьем ее против грубых, против немилосердных, против жестоких!

Вспомним миллионы разлук.

Вспомним тех, кто прокладывал путь к победе, но не успел пройти по нему до конца.

Когда теперь по воскресеньям я вижу колонны автомашин, везущих людей на прогулку, когда прохожу по аллее между двух рядов лип, когда гляжу на людей на пляже, радующихся воде и солнцу, когда смотрю телевизионную передачу из Москвы, когда слышу голос своей дочурки, бегущей по лестнице, я знаю: все это ваша и наша победа над ними.

Потому хочу выпить еще одну чару — за ваших и наших нежных, за всех нежных на свете, а значит, против жестоких!

Поднимем же чашу за то, что больше нет фюрерских усиков — ни левого, ни правого! — и помянем долгий, страдальный путь Советской Армии, партизан моей страны и всех тех, кто эти усики начисто сбрил! Поднимем чашу за победу над теми усами и над всем тем, что было связано с ними. Чашу за нежных, за ваших и нашу Девятого мая, чашу против жестоких!

Когда пишу эти строки, когда дышу, когда выдыхаете, когда мы дождаемся возвращения своих малышей из школы, когда плывет паром по спокойным водам реки, когда крутятся патефонные пластинки в предвечернем сумраке, когда к вам, ко мне, к нам приходят гости, я знаю:

Все это — наше Девятое мая, все это наша победа над ними!

г. Белград.

Перевел с сербохорватского
Г. МАРКОВИЧ.

Капитан-лейтенант

Он капитаном-лейтенантом
Ходил на нашем корабле
И был всегда немного франтом
И на воде и на земле.

Любовно каждый поцелуем,
Нигде, ни в чем изъелся нет,
И китель так на нем прилажен,
Что все ширты смотрят вслед.

Будь ты девушка,
Будь ты хоть сам командант,
Поклеветать начнешь любоваться:

Капитан-лейтенант,
Капитан-лейтенант
По-морскому умел одеваться!

Ему всегда келло на дружбу,
Сердце немало он разбил,
Но море и морскую службу
Всего сильнее он любил.
Он занимался водным спортом
И в цель по-снайперски стрелял,
Умел ходить на яzte чертом,
Как дельфин, плавал и нырял.

Даже в боксе он был
И зналок и талант
И владел настоящим ударом.

Капитан-лейтенант,
Капитан-лейтенант
Моряком назывался не даром.

Война — проверка всех талантов,
Геройской доблести командас,
И капитану-лейтенанту
В боях случалось быть не раз.
Он трижды был в тылу фашистов,
Десянтом он руководил,
Метался враг, как зверь, неистов,
С ума от ярости сходил.

Но всему вопреки
Шел вперед моряки
За своим боевым командиром.

Капитан-лейтенант,
Капитан-лейтенант
Задал трепку фашистским
мундирам!

Он ранен был в плечо и в ногу,
Но неизменно вперед
Он шел подтянуто и строго,
Как на параде он ходил.
И с честью выполнял задание,
Явился отдавать рапорт,
Помыл, побрился, как на свиданье,
От боли бел, но духом тверд.

И сдвиг адмирал
С теплотою сказал:
— Я рапортом взволнован,
признаться...

Капитан-лейтенант,
Капитан-лейтенант,
Вы героически умеете драться!

1943 г.

Русский огонек

(Солдатская сказка)

Боец наш огонек высек, запалил свою дымогарку да и говорит:

— А ну, немец, дай-ка сюда поближе твою заграничную циркалку. Крутань еще разок!

Солдат подносит к нему зажигалку свою, трык пальцем колесико — пожалуйста, битьте горит! А боец как дунет на зажигалку, так сразу все и загорело. Немец трык, трык — не берет больше, кончилось дело: бензин весь вышел...

— Ну,— говорит наш боец,— а теперь на-

ка, немец, попробуй мою задуй! — И подносит ему фитилек свой.

Стал тот дуть — не тухнет русский фитилек. Немец кряхтит, тужится, пыжится, щеки накачал с арбуз целый... Чем больше дует, тем больше огонь раздувает!

Тут боец наш ему и говорит:

— Эх вы! Все у вас скроено с виду на испуг, а дела-то на один фук! Поглядеть — так вроде огонь, а подул — одна вонь. Ну, а мы не сразу подыдем, сперва искоркой. Но коли разгорелся, запылел наш русский огонек, — так уж тут дуй не дуй, только лущице распалишь. А циркалки эти заграничные мы почище нашего делать можем. Будь покой! Только руки не доходят. Поподи, вот управимся с вами, не такие еще сообразим...

Немец, однако, попался характерный, упрямый. Дул, дул... Да так с перенатуги и лопнул!

1944 г.

Лев КАССИЛЬ

Поймал раз один наш боец немца в плен. Ну, немец сперва было упирался, потом видит, дело — капут, оружие кинул и ручки задрал.

Повел его наш боец к себе в часть. Идут они, идут, и обжим охота закурить. Немец цигаретку в зубы и нашему коробок свет, угощает: «На! Кури, русс!» А наш не берет у него и свертывает свою дымогарную, в два колена, толщиной в полено.

Теперь вынул немец свою заграничную блицзажигалку. Трык! Загорелось... «На, русс, прикури!»

А наш боец от ихнего немецкого огня отказывается, брезгует как бы вроде. Вынимает он походное спос кресало, оживо, шуур-фитиль и вывел искру выколачивать: чирк, чирк! Ну, лево, с одного-то разу ред-ко чтоб ваяло. А немец уже насменду строит, похвальноется.

— Ну, где, — говорит, — тебе, русс, против нашей заграничной техники воспеть! Гляди сам!

МУССОЛИНИ
Былой владыка всей Италии —
Позер,
убийца
и так далее.

НЕСЕРЬЕЗНЫЙ МАЛЬЧИК БОБ

и серьезные историки

Мальчик Боб не хотел учить уроки.

Мама предвещала ему скверную отметку, папа обещал угостить ремнем.

Мальчика это, однако, нисколько не смущало: он надеялся, что в школе как-нибудь отболтается, выкрутится и шорки избежит.

Будучи весьма сообразительным, он не только выкрутился, но даже привнес на следующий день самую высокую оценку.

Папа, собиравшийся было снять ремень, вынужден был от экзальтации воздержаться. А с мамой на радостях чуть не сдвинулся плащ. Мамы ведь так чувствительны!

— Вот! «Отлично» по истории! — хвастался Боб. — И, оказывается, учить совсем ничего не надо!

— Расскажи, Боб, по порядку, что произошло.

— Ну, вызвал меня господин учитель к доске, — небрежно сказал Боб. — Ну, сначала строгий был, кричал: «Почему ты, Боб, не явился на прошлый урок?» Я сказал, что на улице было холодно. А он еще громче: «А почему не пришел на позавчерашний?» Я сказал, что шел дождь и было грязно: не мог выйти из дому.

— И за это он поставил тебе «отлично»? — удивилась мама.

— Нет. Он сказал, что это неуважительные причины, и объявил мне выговор.

— А «отлично» за что поставил?

— Сказал: «Спрашивать все равно буду... Про вторую мировую войну».

— И много ты ему мог рассказать? — язвительно спросила папа.

— Я сначала молчал, а он мне — наводящие вопросы: почему германская армия не могла победить русских, а получилось совсем наоборот? Разве плохо была германская армия? Я говорю: «Нет». «Или у русских армия была хорошая?» Я говорю: «Нет». «Или русский народ смелый?» Я говорю: «Нет». «Или оружие сильное у русских было?» Я говорю: «Нет». И господин учитель сказал: «Правильно отвечаешь, Боб. Тогда скажи, с кем же воевали немцы? Может быть, с ветром? Может быть, ты скажешь, что он был очень холодный?» — И подбодрил меня: — Ну, ну! А я сообразил и сказал: «Так точно, господин учитель! Было очень холодно!» А он говорит: «Та-ак, Боб! А что весной было?» «А весной был дождик, и была грязь, и лужи были — большие-пре-большие! Так что в них все пушки тонули!»

Господин учитель совсем забыл, что недавно меня ругал, похлопал по плечу и сказал: «Продолжай, Боб, развивать эту мысль». Ну, развивать я всегда умею. «Как только немцам наступать, — говорю, — так грязь, а как русским — сухо. А потом лето пришло, комары налетели. Своих не трогали, а чужих кусали. А когда русские в Германию пришли, все наоборот пошло: там комары кусали своих, а чужих не трогали. Ну, и получилась капитуляция...»

Я бы еще больше рассказал, но господин учитель меня остановил и сказал: «Историю ты, Боб, знаешь отлично!»

Да, сообразительному Бобу не надо было зубрить даты, рассказывать о ходе сражений, объяснять, что почему произошло. Ему оставалось твердить свое привычное: «Было холодно. Был дождь. Была грязь».

Случай с мальчиком Бобом не будет выглядеть таким уж нелепым

и надуманным, если обратиться к некоторым историческим изысканиям, публикуемым после войны на Западе.

О коварстве холода и злого ветра написал недавно Д. Боковер (США): «Зима, слишком холодная для немецких войск, привела немецкую военную машину к поражению».

Легенду о решающей роли грязи придумал англичанин Дж. Фуллер: «С полным основанием можно считать, что не сопротивление русских, как бы велико оно ни было, и не влияние погоды на действия германской авиации, а грязь, в которой застрял германский транспорт за линией фронта, спасла Москву».

Фуллеру вторит битый генерал Гудериан: «За суровой зимой 1941—1942 гг. последовала весна, которой опять сопутствовала грязь, тормозившая движение и приведшая к тому, что наступательные действия вновь пришлось отложить».

О каверзах погоды распространяется и английский историк Б. Х. Лиддел-Гарт: «...если бы было проведено судебное следствие о неудаче немецкой кампании 1941 года, единственным решением было бы: «Поражение в результате естественных причин».

Естественные причины, конечно, существовали. Но, разумеется, не те, что выдвигает Лиддел-Гарт. Например, вполне естественным было мужество защитников Брестской крепости. Вполне естественными были партизанское движение, подвиги десятков и сотен тысяч советских бойцов и офицеров. В результате всего этого вполне естественно последовал разгром гитлеровской Германии.

Что же касается жары и холода — они были. Фашистов бросало то в жар, то в холод от ударов Советской Армии. И мокро было — много мокрых мест осталось от гитлеровских дивизий на советско-германском фронте.

Это общеизвестные факты. Но они очень не нравятся некоторым реакционным ученым на Западе. Факты их раздражают. В припадке раздражительности один из них, француз Л. Лора, написал: «Поскольку советская пропаганда не перестает утверждать, что именно СССР выиграл войну и освободил Европу от гитлеровского кошмара, необходимо разрушить эту легенду».

И вот разрушают. В поисках «уважительных причин» бубнят Kapoor подобие нерадивого мальчика Боба:

— Было холодно.

— Шел дождь.

— На дворе была грязь...

А что еще им остается?

Бор. ЕГОРОВ

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Гитлеровская география

В Киле
бомбили.
В Туле
вздули.
Из Андрополя
драпали.
У Триполи
вспаши.
А теперь на Дону
тону!

1943 г.

Орел или решка

(На взятю
города Орла)

Потеряв я псакой пешку,
Положив за ратью рать,
Захотел в «орла и решку»
Гитлер с нами поиграть.
Мы с врагом играли чисто.
Здесь он смерть свою обрел.
Решка выпала фашистам,
Красной Армии — Орел!

1943 г.

Сергей МИХАЛКОВ

Немало людей,
Что фамилию эту
С достоинством носят
По белому свету.
Немножечко меньше их,
Чем Ивановых,
Но все-таки много
На свете Смирновых.

Смирновы — врачи,
И Смирновы — монтеры,
Чекисты, танкисты,
Связисты, шахтеры,
Борцы, продавцы,
Кузнецы, звероловы,
Смирновы — певцы,
И портные — Смирновы.

Смирновы стоят
У станков на заводах,
Смирновы — у топков
Морских теплоходов,
Они за прилавком

СМИРНОВЫ

В больших магазинах,
Они за баранкой
Сидят на машинах,
И учатся в школах,
И летат в больнице,
И в наших посольствах
Они за границей.

И есть среди многих
Смирновых-военных
Отличных бойцов,
Командиров отменных.
В одном из полков,
В боевой эскадрилье,
Лихой истребитель,
Смирнов по фамилии.
Смирнов Алексей,
На фронтах закаленный,
Тремя орденами
Страной награжденный.
Он встретится в воздухе
С немцем стремится:
Воздушного боя

Дружески посвящаю летчику-истребителю гвардии старшему лейтенанту Алексею Смирнову.

Смирнов не боится.
Из пушки своей,
Из своих пулеметов
Двенадцать немецких
Он сбил самолетов.
Народ уважает
И любит такого
Бесстрашного аса,
Гвардейца Смирнова.
Смирновы Степаны,
Смирновы Иваны,
Андреи, Владимирцы,
Ольги, Татьяны,
Живущие в селах,
В поселках, в столице!
Вы можете нашим
Смирновым гордиться.
Он славой овеял
Фамилию эту.
Недаром сегодня
Попал он в газету!

1943 г.

ФРАНКО

Лицо особенного рода—
Палач
испанского народа.

Когда пал Париж, Гитлер подъехал к могиле Наполеона и встал рядом с ней в театральной позе завоевателя.

— Кто нарушает мой покой? — раздался глухой голос из каменного саркофага.

— Я, Адольф Гитлер, сегодня властелин Европы, а завтра властелин мира.

— А Англию ты завоевал? — спросил голос из могилы.

— Завоюю в самое ближайшее время, — бахвалился Гитлер.

— А русским ты уже нанес поражение?

— Это мелочи! — махнул рукой заносчивый завоеватель. — Это мы сделаем айн-цайт!

Из могилы донесся невозмутимый голос:

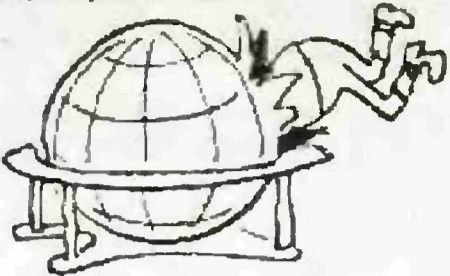
— Я говорил то же самое. Ложись уж лучше сразу рядом со мной.

Известно, что папа римский Пий симпатизировал фашистам. Гитлеру этого было недостаточно, и он послал в Рим Риббентропа, чтобы еще больше «антифашизировать» папу. Риббентроп кое-чего добился, но Гитлеру и этого показалось мало. Он послал в Рим своего самого надежного человека — Геринга. Через день Гитлер получил от Геринга радиограмму: «Мой фюрер! Ватикан горит, папа застрелен при попытке и бегству, тира мне идет колоссально. Святой отец Герман Первый».

Гиммлер и Геринг пришли к Геббельсу посоветоваться о том, куда лучше драпануть. Стояли около глобуса, прикидывали так и сяк, но ни один край не казался безопасным убежищем. Когда перебрали все страны, Геринг говорит Геббельсу:

— Послушай, а другого глобуса у тебя нет?

Правой рукой фюрера в оккупированных чешских землях был Карл Герман Франк.

Рассказывали, что однажды Франк, приехав в свою резиденцию, увидел на воротах надпись по-чешски: «Франк — преступник». Он рассердился, вызвал марionеточного «президента» Гаха и закричал, показывая на ворота:

— Что вы сделаете на это? Гаха вздел очки, прочитал и начал робко извиняться:

— Ну что мне с этими чехами делать, лам государственный секретарь! Ведь я им все время вдальбливаю, что писать надо только по-немецки.

КТО СМЕЯЛСЯ ПОСЛЕДНИМ

Даже в трагическом 1938 году, когда Чемберлен и Даладе выдали Чехословакию на растерзание Гитлеру, и позднее — после падения Варшавы, Белграда, Парижа — чехословацкий народ не терял чувства смелого. И в те настраившие дни юмор помогал людям переносить тяжесть оккупации, прибавлял сил для борьбы.

Вот некоторые из анекдотов, которыми обменивались в то время в Чехословакии.

Незадолго до освобождения Праги чехи говорили:

— На всех пражских фонарях необходимо повесить предупреждения: «Максимальная нагрузка — двадцать гестаповцев».

Нацистские солдаты ездили по улицам Праги, не соблюдая никаких правил. Это стоило многим чехам жизни. Городские власти решили на особо опасных местах оградить тротуары металлическими барьерами. Когда начали их устанавливать, один прохожий спросил рабочих, что они делают.

— Как что! — ответил с улыбой рабочий. — Когда придут в Прагу казани, надо же им к чему-то своих коней привязывать!

Под громкоговорителем на Вацлавской площади стоит чех и молча слушает сводку гитлеровского командования. Из репродуктора так и сыплются сдобренные хвастовством цифры: количество потопленных кораблей, взятых в плен солдат противника, сбитых самолетов, километры занятых фашистской армией земель и так далее. Назомец, диктор объявляет: «Передача закончена. Сейчас тринадцать часов пятнадцать минут».

Чех смотрит на свои часы и говорит:

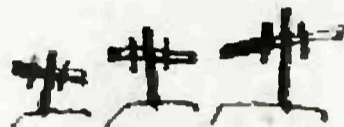
— Да, вот это верно...

— Фашисты применили на Восточном фронте самолеты новейшей конструкции. Скорость та же, а бензина потребляют вдвое меньше, чем старые.

— Как так?

— Очень просто: ведь они летят только туда...

Вскоре после открытия второго фронта два гитлеровских солдата поблизь я' госпитале об заклад, где крепче солдатское товарищество — на восточном или на западном. Парн выиграл солдат с Восточного фронта.

— Друг мой, — сказал он, — такого товарищества, как у нас, нигде больше нет. Уходит, скажем, солдат в двухдневный отпуск, возвращается, — а ему навстречу бежит вся армия.

СТОИТ РИСКНУТЬ

В Берлинский рейхсбанк приходит женщина, чтобы положить на текущий счет 10 тысяч марок. Однако в связи с неустойчивым положением на Восточном фронте она хочет знать, какую гарантию может предоставить ей банк.

— Неужели Адольф Гитлер для вас недостаточная гарантия? — спрашивает банковский чиновник.

— Все мы смертны, — осторожно отвечает дама.

— У нас есть еще Геринг.

— Он всегда летает. С ним еще скорее может что-нибудь случиться.

— Наконец, остается национал-социалистская партия!

— Она может развалиться...

— Ну и что же! — восклицает банковский чиновник. Неужели ради этого не стоит рискнуть десятью тысячами марок!

ЭТО ЕЩЕ НИЧЕГО!

Возвратившись из Варшавы в Берлин, один немец жалует-ся другому:

— Что это за порядки в Варшаве! Я на минутку поставил чемодан на перроне и пошел купить билет на поезд. Когда я вернулся, чемодана и след простыл.

— Это еще ничего, — отвечает другой. — Я был недавно в Мюнхене. Оставил свой чемодан в камере хранения на вокзале и отправился минут на пятнадцать в город. В это время объявили воздушную тревогу. Когда дали отбой, я вернулся за чемоданом, смотрю, а его нет и в помине. Я говорю в вокзале...

ПОСЛЕ НАЛЕТА...

После налета советских бомбардировщиков на Берлин Шульц встречает Мюллера. Голова у Мюллера забитована.

— Что случилось?! — восклицает Шульц. — Вы тоже стали жертвой бомбардировки?

— Нет, — отвечает Мюллер по-нуру. — Я только встретил одного знакомого, пострадавшего от бомбардировки.

— Ну и что?

— Ничего особенного... Я приветствовал его словами «Хайль Гитлер»...

САТИРА В КОНСПИРАЦИИ

В годы войны в Варшаве и других польских городах оккупационных немецко-фашистскими войсками, выходили подпольные газеты, листки и журналы. Естественной сатире занимала достойное место на их страницах. И если фашистам иногда удавалось отыскать авторов подпольных изданий и учинить над ними расправу, то справиться с анекдотами, переходящими из уст в уста, они были бессильны.

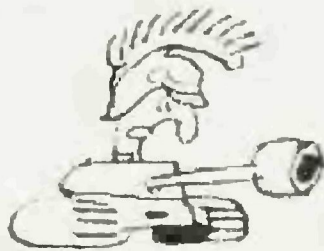
Крупицы подпольной антифашистской сатиры времен оккупации собраны в книге Гжегожа Заленского «Сатира в конспирации», отрывки из которой мы публикуем.

ЧТО ОНИ ХОТЕЛИ БЫ ИМЕТЬ

На том свете встречаются Александр Македонский, Ганнибал и Наполеон.

Александр мечтательно говорит:

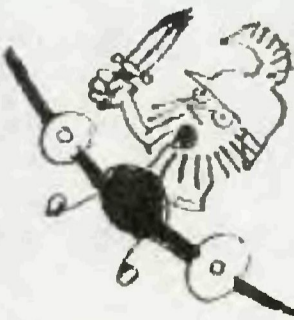
— Эх, если бы я в свое время имел такие танки, как у Гитлера, я завоевал бы всю Африку и Азию за пять дней.

Ганнибал вздыхает:

— Если бы у меня были такие самолеты, как у Гитлера, я не отдал бы Сицилию Новому Карфагену.

— Это все ерунда, — отзывается Наполеон. — Если бы у меня был такой Геббельс, как у Гитлера, мир до сих пор бы не узнал, что я проиграл кампанию в России...

ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫЙ НАРОД

Во время встречи на итало-германской границе между Муссолини и Гитлером возник спор о том, чей народ более дисциплинирован. Чтобы проверить это, спорщики сперва перешли на итальянскую сторону, и Муссолини обратился к первому встречному итальянцу:

— Ты знаешь, кто я?

— Конечно, дуче.

— Ударь меня в лицо.

— Как можно, дуче! Это же равносильно смерти.

— Ну что! — воскликнул довольный Муссолини.

Затем они перешли на немецкую сторону.

Здесь уж Гитлер обратился к первому встречному:

— Ты знаешь, кто я?

— Да, Фюрер Адольф Гитлер.

— Дай-ка мне в морду.

Прохожий послушно ударил Гитлера изо всей силы.

— Ну, чей народ дисциплинированней? — торжествуя спросил Гитлер, потирая ушибленное место. Потом обратился и послушному немцу:

— Как твоя фамилия? Чем ты занимаешься?

— Я Войцех Малиновский, — ответил тот. — Принудительно вывезен из Польши на работы в рейх.

ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ

— Представь себе, что Гитлер, Геббельс и Геринг уплыли пароходом в Северное море. Пароход напоролся на мину и стал тонуть. Скажи мне, кто спасется?

— Немецкий народ!

БОННЕСКАЯ АМНЕЗИЯ

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

В наши дни, когда медицинские открытия следуют одно за другим, нелишне упомянуть и об одной новой болезни, свирепствующей в Бонне и его окрестностях.

Заболевание это именуется в психиатрической и сатирической литературе «Amnesia partialis Bonnensis», что можно перевести примерно так: «Острая боннская форма частичной потери памяти». Родственна обычной амнезии, но гораздо опаснее как для самих больных, так и для окружающих.

Боннская амнезия — болезнь инфекционная. Вызывается и передается бактериями, имеющими форму свастики. Обильные скопления их обнаруживаются в типографской краске, которой печатаются многие западногерманские газеты и журналы. Этими бактериями насыщены также мутные эфирные волны, на которых вещают радиостанции РИАС, «Свободная Европа» и прочие им подобные.

Бациллоносители (о которых кое-что будет сказано ниже) гнездятся, как правило, в высших федеральных сферах.

ТЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ сводится к прогрессирующему расстройству, а затем к частичной потере памяти. Больной намертво забывает все то, о чем ему не хочется вспоминать. Например, он отлично помнит и воспроизводит клич «Дранг нах Остен!», но никак не может сообщить, что означало восклицание «Гитлер на-пут!».

Наблюдаются провалы памяти и при столкновении с русским языком. Что такое «салом», «яйни», «млено», больной знает превосходно, а вот насчет «Курской дуги», «натюши» или «русс партизан» его лучше не спрашивать. Не помнит, хоть тресни, 22 июня 1941 года он чуть не каждую ночь во сне видит, а 9 мая 1945 года запомнил начисто. Короче говоря, боннская амнезия носит ярко выраженный избирательный характер.

СИМПТОМЫ заболевания проявляются прежде всего в недержании речи. Зараженный боннской амнезией готов круглыми сутками драть глотку перед любой аудиторией, призывая снова «марширем нах Москау». Вообще испытывает болезненное тяготение к интервью, пресс-конференциям, реваншистским «слетам» и «съездам».

Страдающего боннской амнезией легко распознать также по его реакции на географическую карту, особенно на политическую карту Европы. Заполучив ее в руки, он тотчас начинает кропать, кроить, перекраивать и сшивать белыми нитками, пока не озверевает вконец и с воплем «Европа до Памира!» не подпалит карту зажигалкой, выполненной в форме ядерной бомбочки.

ПРЕДРАСПОЛОЖЕНИЕ и модному боннскому недомоганию можно проиллюстрировать на многих примерах.

Министр по делам перемещенных лиц Леммер еще в двадцатых годах был сотрудником прусской тайной полиции, а затем трудился в гестапо.

Министр транспорта Зеебом, происходящий из рода крупнейших промышленных магнатов Верхней Силезии, во время войны грабил Польшу и Чехословакию.

Председатель бундестага Герстенмайер был одним из усердных пропагандистов расовой теории.

Председатель партии ХСС, бывший министр обороны Штраус дослужился на Восточном фронте до чина обер-лейтенанта, был награжден железным крестом и крестом «за заслуги в войне».

Министр обороны фон Хассель был в годы войны лейтенантом гитлеровской армии...

Итак, мы видим перед собой бациллоносителей норенных, испытанных, настоящих. Таких, которые если уж занедужили потерей памяти, то всерьез и надолго. Вытравить из них бактерии реванша не так-то просто.

Отсюда следует, что **ЛЕЧЕНИЕ** боннской амнезии должно вестись исправно, изо дня в день, систематически. Как показывает практика двух десятилетий, ничто не сдерживает так успешно распространение этой злой заразы, как непрерывный холодный душ — крепнущая объединенная мощь социалистического сотрудничества.

А. ВИХРЕВ

Эрнст ЛЕММЕР:

— Мы никогда не признаем линию по Одеру и Нейссе окончательной границей.

Ганс - Кристоф ЗЕЕБОМ:

— Перегов о ры с Востоком бессмысленны.

Ойген ГЕРСТЕНМАЙЕР:

— Лучшее пойла, чем отказ от Берлина.

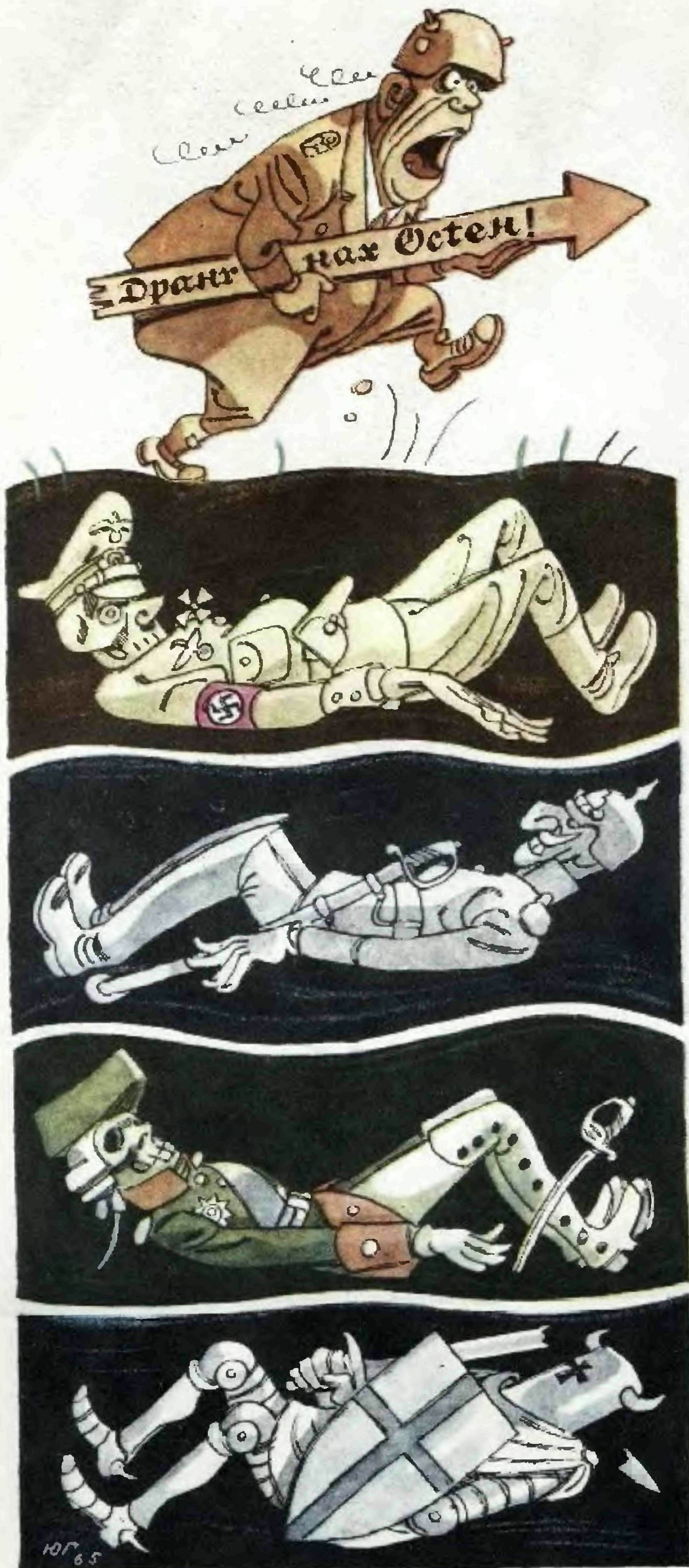
Франц-Йозеф ШТРАУС:

— В этот раз победили русские. Но в следующий раз победим мы.

Кай-Уве фон ХАССЕЛЬ:

— Вундесвер должен быть оснащен тактическим атомным оружием... Германия должна быть восстановлена в границах Онемарковск ой империи.

И ЕГО ПОЧВА

Рисунок Ю. ГАНФА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), А. Н. РЕМЕЗОВ, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0 10 86.

Издательство «Правда».

А 02283. Изд. № 569. Подписано к печати 27/IV 1965 г. Формат бум. 70x108. Тираж 2 000 000 экз. 1 бум. л. — 274 печ. л. Занав № 1102.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОДНИМАЮТ ГОЛОВУ...